

ПЯТАЯ КОЛОННА

1938, выдержки Дятлова Н. С. от 25.09.2023, 1–10/191=95%

1. *Каждый день нас обстреливали орудия, установленные за Леганес и по склонам горы Гарабитас, и, пока я писал свою пьесу, в отель «Флорида», где мы жили и работали, попало больше тридцати снарядов. Так что если пьеса плохая, то, может быть, именно поэтому. А если пьеса хорошая, то, может быть, эти тридцать снарядов помогли мне написать ее. Каждый раз, выезжая на фронт, — ближайший пункт фронта находился на расстоянии полутора тысяч ярдов от отеля, — я прятал пьесу в скатанный матрац. Каждый раз, вернувшись и найдя комнату и пьесу в сохранности, я радовался.*
2. *Перечитав пьесу, я нашел, что, независимо от того, годится она для сцены или нет, она читается хорошо, и потому решил включить ее в эту книгу рассказов.*
3. *Название пьесы взято из заявления мятежников, сделанного осенью 1936 года, о том, что, кроме четырех колонн, наступающих на Мадрид, они располагают и пятой колонной, находящейся в самом городе и готовой атаковать его защитников с тыла.*
4. *Многие из тех, кто входил в эту Пятую колонну, погибли, но нужно помнить, что они были убиты на войне, в которой являлись такими же опасными и упорными врагами, как те, что погибали в рядах остальных четырех колонн.*
5. *Кое-кто будет критиковать мою пьесу, потому что в ней я признаю тот факт, что людей из Пятой колонны расстреливали. Кроме того, будут говорить, и уже говорят, что в пьесе не показано благородство и величие того дела, которое защищает испанский народ. Она и не претендует на это. Для этого понадобится много пьес и рассказов, и лучшие из них будут написаны после того, как война кончится.*
6. *Это всего только пьеса о работе контрразведки в Мадриде. Недостатки ее объясняются тем, что она написана во время войны, а если в ней есть мораль, то она заключается в том, что у людей, которые работают в определенных организациях, остается очень мало времени для личной жизни.*
7. *Но если то, что она была написана под обстрелом, объясняет ее недостатки, то, с другой стороны, может быть, это придало ей жизненность.*
8. *В Мадриде всегда хорошо работалось. Также и в Париже, и в Ки-Уэст, штат Флорида, в прохладные месяцы; на ранчо возле Кук-Сити, штат Монтана, в Канзас-Сити, в Чикаго; в Торонто, и в Гаване, на острове Куба. Есть места, где не так хорошо работалось, но, может быть, дело в том, что мы сами были там не очень хорошими.*
9. *В этой книге много разных рассказов. Надеюсь, что некоторые вам понравятся. Когда я перечитывал их, то помимо тех, которые стали, довольно известными и даже вошли в школьные хрестоматии и при чтении которых всегда испытываешь какое-то смущение и не знаешь, в самом ли деле ты их написал или просто где-то слышал, — мне больше всего понравились: «Недолгое счастье Фрэнсиса Макомбера», «В чуждой стране», «Белые слоны», «Какими вы не будете», «Снега Килиманджаро», «Там, где чисто, светло» и рассказ под названием «Свет мира», который, кроме меня, никогда никому не нравился. Нравятся мне также и другие рассказы. Ведь если бы они мне не нравились, я не стал бы их печатать.*
10. *Когда идешь туда, куда должен идти, и делаешь то, что должен делать, и видишь то, что должен видеть, — инструмент, которым работаешь, тускнеет и притупляется. Но лучше мне видеть его потускневшим и погнутым и знать, что придется снова выпрямлять и оттачивать его, но знать, что мне есть о чем писать, чем видеть его чистым и блестящим и не иметь что сказать или гладким и хорошо смазанным держать его в ящике и не пользоваться им.*
11. *И, пожалуйста, милый, не води пальцем по карте. Пятна остаются.*
12. **Дороги:** *Не ругайся, пожалуйста. Я сейчас не в настроении слушать ругань. А кроме того, во мне очень мало вассарского. Я ровно ничего не поняла из того, чему там учили.*

13. **Управляющий:** С рефлектором всегда большие затруднения. Электричество — наука, еще не завоеванная рабочими. Кроме того, наш электротехник так сильно пьет, что это нарушает его мозговую деятельность. **Престон:** Наш электротехник вообще, кажется, не блещет умом. **Управляющий:** Он умный. Но — алкоголь. Неумеренное потребление алкоголя. И сразу — полная неспособность сосредоточить мысли на электричестве.
14. **Филип:** Это та *samarada*, которая укусила Вернона Роджерса. Три недели отлеживался. Вот это зубки. **Дороти:** Филип, милый, может быть, вы наденете на *samarada* намордник, пока она здесь, а? **Марокканка:** Почему оскорблять?
15. **Престон:** Только не рассказывайте сейчас. **Филип:** До чего вы мрачны, Престон. Вы тут расходитесь с линией партии. Время вытянутых лиц миновало. Мы переживаем период веселья. **Престон:** На вашем месте я не стал бы говорить о том, чего не знаю. **Филип:** Но я не вижу причин ходить с мрачной физиономией.
16. **Марокканка:** Я ем суп из вода. *Она воинственно смотрит на Дороти.* Ну что? Я вам не нравился? Вы думал, вы лучше меня? **Дороти:** Нисколько. Я, вероятно, много хуже. Престон скажет вам, что я несравненно хуже. Но зачем нам проводить сравнение? Я хочу сказать, сейчас война и вообще, и все мы трудимся ради одного дела. **Марокканка:** Я вам буду выцарапать глаза, если вы думал, я хуже.
17. **Марокканка:** Хочу ответ. **Филип:** В таком случае, Анита, ответ будет негативный. **Марокканка:** Как? Фотография? **Престон:** Понимаете связь? Аппарат, фотография, негатив. Правда, она очаровательна? Такая непосредственность. **Марокканка:** Зачем фотография? Ты думал, я шпион? **Филип:** Нет, Анита. Пожалуйста, будь благоразумна. Я просто хотел сказать, что я больше не с тобой. Пока. То есть я хочу сказать, что пока это более или менее кончено.
18. **Марокканка:** Надпись на дверь. Все время работаю — нехорошо. **Дороти:** Такая надпись висит у меня на двери со времен колледжа, и никогда это ничего не значило. **Марокканка:** Вы будет снимать? **Филип:** Ну конечно, она снимет. Верно, Дороти? **Дороти:** Могу и снять. **Престон:** Все равно ты никогда не работаешь. **Дороти:** Нет, милый. Но я всегда собираюсь. И я непременно закончу статью для «Космополитен», как только чуточку разберусь в том, что происходит.
19. **Дороти:** (стоит рядом с Филипом и прислушивается к грохоту и звону, последовавшему за взрывом). Филип, здесь в самом деле безопасно? **Филип:** Здесь не хуже и не лучше, чем в любом другом месте. Серьезно. Безопасно — не совсем то слово; но в наше время безопасность как-то не в ходу.
20. Вы не поверите, мистер Филип, в такое время — семья из семи человек — позволяю себе роскошь держать тещу. Заметьте — ест все, что угодно. Все годится. Затем еще сын — семнадцать лет — бывший чемпион по плаванию. Как это называется — брасс. Сложение — вот (жестом показывает исполинскую ширину груди и плеч). Appetit? Вы просто не поверите, мистер Филип. И тут чемпион. Стоит посмотреть. Это только двое — а ведь всех семеро.
21. **Управляющий:** Чувствительно благодарен, мистер Филип. У вас душа широкая, как улица.
22. **1-й боец:** Товарищ... **Филип:** (откладывая газету и придвигая к себе другую). Я запретил вам произносить это слово. Оно у вас нехорошо звучит.
23. **1-й боец:** Товарищ комиссар, пожалуйста... **Филип:** Пожалуйста — неподходящее слово для солдата. **1-й боец:** Я не настоящий солдат.
24. **1-й боец:** Я приехал сюда, чтобы сражаться во имя идеала. **Филип:** Все это очень мило. Но послушайте, что я вам скажу. Вы приезжаете сражаться во имя идеала, но при первой атаке вам становится страшно. Не нравится грохот или еще что-нибудь, а потом вокруг много убитых, — и на них неприятно смотреть, — и вы начинаете бояться смерти — и рады прострелить себе руку или ногу, чтобы только выбраться, потому что выдержать не можете. Так вот — за это полагается расстрел, и ваш идеал не спасет вас, друг мой.
25. **Филип:** Да, я вам не верю, и я не комиссар. Я полицейский. Я не верю ничему из того, что слышу, и почти ничему из того, что вижу. С какой стати я буду верить вам?

26. **Филип:** Молчать! Мне не до вежливости — понятно? Мне так часто приходится быть вежливым, что я устал. И мне надоело.
27. **Управляющий:** Мистер Филип, вокруг вас слишком много случается. Говорю как друг. Мой совет — постарайтесь, чтоб было потише. Нехорошо, когда все время так много случается.
28. **Дороти:** Яиц нет, Петра? **Петра:** Нет, сеньорита. **Дороти:** Вашей матери лучше, Петра? **Петра:** Нет, сеньорита. **Дороти:** Вы уже завтракали, Петра? **Петра:** Нет, сеньорита.
29. **Петра:** Я выпью после вас, сеньорита. Очень было здесь страшно вчера во время обстрела? **Дороти:** Вчера? Вчера было чудесно. **Петра:** Сеньорита, что вы говорите? **Дороти:** Ну, право же, Петра, было чудесно. **Петра:** На улице Прогрессе, там, где я живу, в одной квартире убило шестерых. Утром их выносили. И по всей улице не осталось ни одного целого стекла. Теперь так и зимовать, без стекол. **Дороти:** А здесь у нас никого не убило.
30. Он уехал на фронт? **Дороти:** Ну, нет. Он никогда не ездит на фронт. Он только пишет о нем. Здесь теперь другой сеньор.
31. **Филип:** Передайте сеньорите, что я никогда не завтракаю. **Петра:** (у двери номера 109). Он говорит, что никогда не завтракает. Но я-то знаю, что он завтракает за троих.
32. **Дороти:** Неужели ты совсем ничего не помнишь? **Филип:** Припоминается какая-то дичь, будто я кого-то выставил за дверь.
33. **Дороти:** Ах, нет, Филип. Нет. Он ушел навсегда. **Филип:** Страшное слово — навсегда. **Дороти:** (решительно). Навсегда и безвозвратно. **Филип:** Еще страшнее слово. У меня от него мурмурашки.
34. **Филип:** Не искушай меня. Не буди мое честолюбие. Пауза. Не рисуй мне радужных перспектив.
35. **Дороти:** Нашу совместную жизнь. Филип, неужели тебе не хотелось бы поселиться в каком-нибудь местечке вроде Сен-Тропез, — то есть вроде прежнего Сен-Тропез, — и жить там долго-долго мирной счастливой жизнью, — много гулять, и купаться, и иметь детей, и наслаждаться счастьем, и все такое? Я серьезно говорю. Неужели тебе не хочется, чтобы все это кончилось? Война; и революция, и все прочее?
36. **Дороти:** Нет, нет. Вовсе так не будет. Просто мы будем жить в каком-нибудь красивом уголке, и ты будешь писать. **Филип:** Что? **Дороти:** Что угодно. Романы и статьи, а может быть, книгу об этой войне. **Филип:** Приятная будет книга. Особенно если издать ее с иллюстрациями.
37. **Дороти:** Или ты бы мог подучиться и написать книгу о диалектике. Всякая новая книга о диалектике отлично расходится. **Филип:** Неужели?
38. **Филип:** Я где-то читал, но до сих пор не имел случая проверить: скажи, правда ли, что, когда американке понравится мужчина, она прежде всего заставляет его от чего-нибудь отказаться? От привычки пить виски, или курить виргинский табак, или носить гетры, или охотиться, или еще что-нибудь. **Дороти:** Нет, Филип. Дело просто в том, что ты — очень серьезная проблема для любой женщины. **Филип:** Надеюсь. **Дороти:** И я вовсе не хочу, чтобы ты от чего-нибудь отказывался. Напротив, я хочу, чтоб ты за что-нибудь взялся.
39. **Филип:** Я сейчас же вернусь, милая. И буду страшно серьезным. **Дороти:** Ты знаешь, что ты сказал? **Филип:** Конечно. **Дороти:** (очень радостно). Ты сказал — милая. **Филип:** Я знал, что это заразительно, но не думал, что до такой степени. Прости, дорогая. **Дороти:** Дорогая — тоже неплохое слово. **Филип:** Ну тогда до свидания, — мм — любимая. **Дороти:** Любимая, — ах ты, милый! **Филип:** До свидания, товарищ. **Дороти:** Товарищ? А раньше ты сказал «милая». **Филип:** Товарищ — хорошее слово. Пожалуй, не следует швыряться им попустому, — беру его обратно. **Дороти:** (восторженно). О Филип! ты начинаешь политически развиваться. **Филип:** Упаси бог — черт, — все равно кто, но упаси. **Дороти:** Не богохульствуй. Это приносит несчастье. **Филип:** (торопливо и довольно мрачно). До свидания, милая — дорогая — любимая. **Дороти:** Ты больше не называешь меня «товарищ»? **Филип:** (выходя). Нет. Я, видишь ли, начинаю политически развиваться. (Выходит в соседнюю комнату.)

40. А какой он мрачный — все твердит, что город вот-вот должен пасть, и вечно смотрит на карту. Вечно смотреть на карту — одна из самых отвратительных привычек, какие только могут быть у мужчины.
41. **Филип:** Вам все это доставляет удовольствие? **Уилкинсон:** Я здесь не ради удовольствия. **Филип:** Нет. Конечно, нет. Я просто так спросил.
42. Должен вас предупредить вот о чем. Выполняя задание, вы будете при оружии, для поднятия авторитета. Но пускать его в ход вам не разрешается ни при каких обстоятельствах. Ни при каких обстоятельствах. Вы меня поняли? **Уилкинсон:** Даже для самозащиты? **Филип:** Ни при каких обстоятельствах.
43. **Уилкинсон:** Я не пью, товарищ. **Филип:** Правильно. Очень хорошо. Мы, люди старшего поколения, еще заражены известными гибельными пороками, которые теперь, пожалуй, поздно искоренять. Но вы должны служить нам примером. Ну, ступайте.
44. Слушайте, мне очень совестно. **Престон:** От этого никому не легче. Вы вели себя возмутительно. **Филип:** Согласен. Но что мне теперь делать? (Говорит без всякого выражения.) Я же сказал, что мне очень совестно.
45. **Управляющий:** Мистер Престон, я уже распорядился, чтобы горничная собрала ваши вещи. Вам будет очень удобно в сто четырнадцатом. Мистер Престон, вы человек разумный — неужели вы будете вызывать полицию в отель? Полиция с чего начнет? А чьи это тут банки стуженного молока? А чьи это тут мясные консервы? А чьи это тут запасы жареного кофе? А зачем это тут полный шкаф сахару? А откуда это тут три бутылки виски? А что это тут вообще делается? Мистер Престон, никогда не надо вмешивать полицию в частные дела. Мистер Престон, прошу вас. **Филип:** (из ванной). А чьи это тут три куска мыла? **Управляющий:** Вот видите, мистер Престон. Власти всегда дают частным делам неправильное истолкование. Есть закон, что все эти вещи нельзя держать. Есть строгий закон, что нельзя запасать продукты. С полицией всегда что-нибудь не так.
46. Учтите, мистер Престон, у моей тещи — роскошь по нашим временам — остался всего один зуб. Вы меня понимаете? Всего один зуб. С его помощью — ест все, что может, и даже с удовольствием. Однако в случае выпадения буду вынужден приобрести полный протез для обеих челюстей, верхней и нижней, приспособленный для прожевывания любой пищи. И бифштекса, и бараньей котлетки, и — как это называется? — salomilio. Каждый вечер — уверяю вас, мистер Престон, — я спрашиваю: ну, как зуб у старушки? Каждый вечер я ложусь с мыслью — что мы будем делать, если он выпадет? При полном комплекте верхних и нижних зубов в Мадриде не останется лошадей для армии. Уверяю вас, мистер Престон, вы никогда не видели подобной женщины. Истинно роскошь по нашим временам.
47. **Управляющий:** О мистер Филип! У вас душа больше этого отеля. **Престон:** И вдвое грязнее. (Выходит.)
48. **Управляющий:** Послушайте, мистер Филип. Скажите мне правду. Скоро кончится эта война? **Филип:** Боюсь, что не очень. **Управляющий:** Мистер Филип, мне очень неприятно слышать это от вас. Уже целый год. Это ведь не шутка, мистер Филип. **Филип:** А вы не думайте об этом. Держитесь, и все будет хорошо.
49. **Филип:** Нет. Никаких поручений. Спасибо, что отшили этого дурака-журналиста из Валенсии, который хотел снять номер. У нас тут и так дураков довольно, считая вас и меня.
50. **Филип:** Если б я только мог разговаривать с тобой. **Дороти:** А почему ты не можешь? **Филип:** Я ни с кем не могу разговаривать. **Дороти:** Милый, это у тебя просто торможение. Тебе нужно пойти к специалисту по психоанализу, и он тебя мигом приведет в норму. Это очень просто и даже увлекательно.
51. **Филип:** Хорошо. Когда будете ей писать, скажите, что она принесла вам счастье. (К Антонио.) Я лично считаю возможным отпустить его. Он читает «Дейли уоркер». Он знает Джо Норту. Он любит девушку, которую зовут Альма. Он на хорошем счету в бригаде, и он заснул на посту и упустил человека, который застрелил потом юношу по фамилии Уилкинсон, приняв его за меня. По-моему, ему нужно всякий раз давать хорошую порцию кофе, чтобы он не засыпал на посту и не обнимал девушек во сне.

52. **Филип:** Слушайте, *mi coronel*. Если бы вы считали меня непригодным к этим делам, вы бы мне их больше не поручали. Этот парень совершенно чист. Вы сами знаете, никого из нас нельзя назвать чистым в полном смысле слова. Но этот парень чист. Он просто заснул, а я ведь, знаете, не судья. Я просто работаю у вас ради идеи и ради Республики и тому подобное. А у нас в Америке был президент по имени Линкольн, который смягчал приговоры часовым, заснувшим на посту и присужденным за это к расстрелу. Так вот, если вы не возражаете, давайте, так сказать, смягчим и этому приговор. Он, видите ли, из батальона Линкольна [*батальон американских добровольцев, сражавшихся на стороне республиканцев в составе Интернациональных бригад*] — а это очень хороший батальон. Это такой, черт возьми, замечательный батальон, и он столько сделал замечательных дел, что даже вы были бы потрясены, если бы я вам рассказал. И если бы я служил в этом батальоне, я бы радовался и гордился и не чувствовал бы того, что я чувствую, работая здесь. Но я не служу в этом батальоне. Я просто второразрядный полицейский, прикидывающийся третьеразрядным журналистом. Теперь вот что, товарищ Альма... (Оборачиваясь к арестованному.) Если вы еще когда-нибудь заснете на посту, выполняя мое задание, я сам пристрелю вас, понятно? Вы слышали? Так и напишите своей Альме.
53. **1-й боец:** Спасибо, товарищ комиссар. **Филип:** Ох, не говорите вы никогда «спасибо» на войне. Ведь мы на войне. А на войне «спасибо» не говорят. Но, в общем, ладно. И когда будете писать Альме, скажите ей, что она принесла вам счастье.
54. **Антонио:** Так, ну теперь дальше. Этот человек жил в номере сто седьмом и убил Уилкинсона, приняв его за вас, — а кто он такой? **Филип:** Ну, этого я не знаю. Санта-Клаус, вероятно. Он значится под номером. Они все под номерами, от А1 до А10, потом от В1 до В10, потом от С1 до С10, и они убивают людей, и устраивают взрывы, и делают все то, что вы сами прекрасно знаете. И они работают изо всех сил, и нельзя сказать, чтоб от этого получался большой толк. Но они убивают много людей, которых вовсе не следовало бы убивать. Вся беда в том, что они очень крепко организованы, по системе старой кубинской АВС, и пока не поймашь того, с кем они связаны вне Мадрида, проку не будет. Это все равно, что вскрывать фурункулу за фурункулом, вместо того чтобы пить дрожжи по системе Флейшмана.
55. А почему было просто не взять этого человека силой? **Филип:** Потому что нельзя поднимать слишком много шума, чтобы не спугнуть остальных, которые гораздо важнее. Этот — всего только убийца.
56. Слушайте — эта работа, которую мы сейчас ведем. Ее как-то глупо называют — контрразведка. Вас она никогда не мучает?
57. **Филип:** Понимаете, кое-кто по неосторожности стал доверять мне. И, может быть, именно потому, что это было неосторожно, мне пришлось научиться оправдывать доверие. Знаете, ничего особенного, но просто в известной степени оправдывать доверие. Ну, потом так оно и выходит. Тебе доверяют кое-что, и ты все делаешь как следует. А потом начинаешь верить в это. В конце концов начинаешь, пожалуй, даже любить это. Кажется, я не очень хорошо объясняю.
58. **Филип:** Слишком, черт возьми. А я устал, и я вконец измучен. Знаете, чего бы мне хотелось? Мне бы хотелось никогда, во всю свою жизнь, не убивать больше ни одного человека, все равно кого и за что. Мне бы хотелось никогда не лгать. Мне бы хотелось знать, кто лежит рядом, когда я просыпаюсь утром. Мне бы хотелось целую неделю подряд просыпаться в одном и том же месте. Мне бы хотелось жениться на девушке по фамилии Бриджес, вы ее не знаете.
59. Вы знаете, я ведь редкий экземпляр. Я могу говорить и по-английски и по-американски. Вырос я в одной стране, воспитывался в другой. Это — мой хлеб.
60. Понимаете, она изучала язык в колледже, но знаете, что самое смешное, — хотите, я вам скажу. Мне нравится слушать, *как* она говорит. *Что* она говорит, до этого мне дела нет.
61. От немца нам едва ли будет много проку, но его можно выгодно обменять, и потом, это почему-то очень уж нравится Максу. Но за того *politico* вы нам скажете списибо, *mi coronel*. Потому что это страшный человек. Я серьезно говорю, страшный. Понимаете, он — вне

города. Но он знает тех, которые в городе. И вам стоит только заставить его говорить — и вы тоже будете знать тех, которые в городе. Потому что они все держат с ним связь.

62. **Филип:** Тогда я лучше буду говорить по-английски. Черт, по-английски мне гораздо легче лгать, даже обидно.
63. Угловой столик в баре Чикоте. Это первый столик справа от двери. Дверь и окно на три четверти забаррикадированы мешками с песком.
64. **Филип:** С чего ты взяла, что она такая большая? **Анита:** Не большой? Большой, как танк. Подожди, когда будешь сделать ей ребенок. Не большой? Как грузовик «студебеккер».
65. **Филип:** Знаешь, Анита, — боюсь, что буду. Боюсь, что в этом-то вся беда. Мне ужасно хочется сделать колоссальную ошибку.
66. **Анита:** Что ей нужно от тебя? Она брать мужчина, как цветы рвать. От скука. Просто рвать цветы и поставить в комната. Ты ей нравился, потому что ты тоже большой. Слушай, мне ты нравился, даже если карлик.
67. **Филип:** Все люди меняются. **Анита:** Неправда. Устать, да. Уходить, да. Пошататься, да. Сердиться, да, да. Обижать, да, очень много. Меняться? Нет. Только новый привычка. Это привычка, больше ничего. И всегда так, одинаково.
68. **Анита:** Слушай, эта большой блондинка уже делал тебя сумасшедший. Ты уже не думать правильно. Она похож на тебя, как краска похож на кровь. Посмотреть — одинаковый. Может быть, кровь. Может быть, краска. Хорошо. Наливай краска в тело вместо кровь. Что будет? Американский женщина.
69. **Филип:** Ты несправедлива к ней, Анита. Пусть она ленива, избалована, даже глупа и страшная эгоистка. Но она очень красивая, очень милая, очень привлекательная и даже честная — и, безусловно, храбрая. **Анита:** О'кей. Красивый? Зачем тебе красота, когда ты свое уже получил. Я тебя знаю хорошо. Милый? О'кей; может быть, милый, может быть, и не милый. Привлекательный? Да. Она привлекать, как змея кролик. Честный? Ты меня смешил. Ха-ха-ха! Честный, пока не доказывал, что нечестный. Храбрый? Храбрый! Ты опять меня смешил до слез. Храбрый! Вот я смеюсь. Хо-хо-хо! О чем ты думал в эта война, если не видишь, кто храбрый и кто просто не понимать опасность. Храбрый... Вот так. (Встает из-за стола и хлопает себя по заду.) Вот. А теперь я ушел.
70. Они всегда стреляют из окон по ночам во время канонады. Пятая колонна. Те люди, которые воюют против нас в самом городе.
71. **Доротти:** А зачем им понадобилось убивать его? Ведь он был простой рабочий. **Петра:** Они и видели, что он рабочий, — по одежде. **Доротти:** Ну конечно, Петра. **Петра:** Потому-то они его и убили. Они наши враги. Даже мои враги. Если бы меня убили, они бы радовались. Они бы думали: одной рабочей душой меньше.
72. **Петра:** А что у вас там варится, сеньорита? **Доротти:** Не знаю, Петра. Этикеты не было. **Петра:** (заглядывая в кастрюлю). Похоже на кролика. **Доротти:** Если похоже на кролика, значит, это кошка. Но только какой смысл укладывать кошатину в банку и посылать сюда из Парижа? Возможно, конечно, что это приготовили в Барселоне, потом отправили в Париж, а потом привезли сюда. Как вы думаете, Петра, это кошка? **Петра:** Если это приготовили в Барселоне, одному богу известно, что это.
73. **Петра:** Сеньорита! Пожалуйста, не надо. Сеньорита, он нехороший. Я не говорю, что он злой человек. Но он нехороший.
74. **Доротти:** Петра, я еще никогда ни с кем не была так счастлива, как с ним. **Петра:** Сеньорита, это ничего не значит. **Доротти:** Как это так, ничего не значит? **Петра:** Здесь любой мужчина это умеет. **Доротти:** Вы просто нация хвастунов. Сейчас пойдут рассказы про конкистадоров и тому подобное. **Петра:** Я только хотела сказать, что нехорошие мужчины все здесь такие. Случается, конечно, что и хороший человек таким бывает, настоящий хороший человек, как мой покойный муж. Но нехорошие — все такие.
75. **Доротти:** А эту противную марокканку видел? **Филип:** Кого, Аниту? Видел. Она тебе кланяется. **Доротти:** Она ужасная. Можешь оставить ее поклоны при себе.
76. **Доротти:** Да. Пожалуйста. *Он обнимает ее. Гладит по волосам. Закидывает ей голову и целует. Снизу доносятся крики и пение. Слышно, как поют «Песню партизан». Песню поют*

- всю, до конца. Хорошая песня. **Филип:** Тебе и не понять, какая это хорошая песня. *Слышно, как поют «Bandiere Rossa».* **Филип:** А эту знаешь? *Он сидит на краю постели.* **Дороти:** Да. **Филип:** Лучшие люди, которых я знал, умирали за эту песню. *Внизу поют «Коминтерн».* **Дороти:** Вот это всегда играют на похоронах. **Филип:** А поют не только на похоронах.
77. **Филип:** (вставая). Слушай, перед тем как ложиться, открой оба окна. А то ночью, если будет обстрел, стекла лопнут.
78. **Филип:** Горячей воды нет. Единственное, ради чего мы живем в этой проклятой мышеловке, это горячая вода, — так теперь и ее нет!
79. **Макс:** Хорошо в постели. (Обнимает подушку и раскидывает ноги.) Я всегда сплю, уткнув лицо в подушку, по крайней мере, утром никто не пугается.
80. **Дороти:** А я тебя тоже люблю. С тобой хорошо. Ты как снежный буран, только снег не холодный и не тает. **Филип:** Днем я тебя не люблю. Днем я никого и ничего не люблю.
81. **Дороти:** Я бы хотела, чтоб мы поженились и много работали и чтобы у нас была хорошая жизнь. Знаешь, я вовсе не такая глупая, как кажется, а то бы я не была здесь. И я работаю, когда тебя нет. Только вот готовить не умею. Но ведь в нормальных условиях для этого нанимают прислугу.
82. **Филип:** Если ты хочешь, чтоб я заснул, Бриджес, возьми молоток и стукни меня по голове.
83. **Филип:** Где ты это взяла? **Дороти:** Купила, милый **Филип:** На какие деньги? **Дороти:** На песеты. <...> **Дороти:** Но, милый, это же страшно дешево. мех стоит всего-навсего тысячу двести песет шкурка. **Филип:** Это жалованье интербригадовца за сто двадцать дней. Пстой. Это четыре месяца. Я не припомню ни одного, который четыре месяца пробыл бы на фронте и не был ранен или убит. **Дороти:** Но, Филип, это не имеет ни малейшего отношения к бригадам. Я купила песеты в Париже на доллары, по курсу пятьдесят за доллар. <...> **Дороти:** Да, милый. И почему мне не покупать лисиц, если хочется? Кто-нибудь же должен их покупать. На то они и существуют, а обходятся они дешевле, чем по двадцать два доллара шкурка. **Филип:** Замечательно. А сколько тут шкурок? **Дороти:** Около двенадцати. Ну, Филип, не сердись. **Филип:** Ты, как видно, недурно наживаешься на войне. Как ты провезла свои песеты? **Дороти:** В банке с кремом «Мум».
84. **Дороти:** Уже начинает темнеть, и у нас с тобой свидание в баре отеля «Ритц», и на мне эта пелерина. Я сижу и жду тебя. Тыходишь, а на тебе двубортное пальто в талию, на голове котелок, а в руках тросточка. **Филип:** Ты начиталась американского журнала «Эсквайр». Ты же знаешь, что он не для чтения, а только для рассматривания картинок.
85. **Филип:** Нет. Даже через сто тысяч лет этого не будет. Никогда не верь тому, что я говорю по ночам. По ночам я вру без зазрения совести. **Дороти:** А почему мы не можем сделать того, о чем ты говоришь по ночам? **Филип:** Потому что я занят делом, при котором так не бывает — уезжать вместе, и весело жить, и быть счастливыми вдвоем. **Дороти:** Ничего не понимаю. **Филип:** Вот именно потому, что ты ничего не понимаешь и никогда не сможешь понять, мы не уедем вместе, и не будем весело жить, и так далее. **Дороти:** Это хуже, чем «Череп и кости». **Филип:** Что это еще такое, «Череп и кости»? **Дороти:** Такое тайное общество, к нему принадлежал один человек, за которого я чуть было не вышла замуж, но вовремя одумалась. Там все очень возвышенно и страшно добродетельно и нравственно, и тебя приводят туда и посвящают во все перед самой свадьбой, и когда меня посвятили во все, я отменила свадьбу. **Филип:** Отличный прецедент.
86. **Макс:** (как только они остаются одни). Это — товарищ? **Филип:** Нет. **Макс:** Ты так назвал ее. **Филип:** Это просто манера говорить. В Мадриде всех называют товарищами. Считается, что все работают для общего дела. **Макс:** Не очень хорошая манера. **Филип:** Да. Не очень. Помнится, я сам как-то говорил это.
87. **Филип:** Серьезно? **Макс:** Да. Ты понимаешь, о чем я говорю. **Филип:** Я бы не сказал. Пожалуй, скорее комично. В известном смысле. **Макс:** Ты много времени с ней проводишь? **Филип:** Немало. **Макс:** Чье это время? **Филип:** Мое. **Макс:** А не время партии? **Филип:** Мое время — время партии. **Макс:** Вот это я и хотел сказать. Хорошо, что ты так быстро соображаешь. <...> **Филип:** Я не злюсь. Но я не обязан быть монахом. **Макс:** Филип, товарищ, ты никогда не был похож на монаха. **Филип:** Нет? **Макс:** И никто не требует,

- чтобы ты стал монахом. **Филип:** Нет. **Макс:** Все дело в том, чтобы это не мешало работе. Эта женщина — откуда она? Из какой среды? **Филип:** Разве я плохо работаю? Кто-нибудь жаловался на мою работу? **Макс:** До сих пор — нет. **Филип:** А сейчас кто жалуется? **Макс:** Я жалуюсь. **Филип:** Вот как? **Макс:** Да. Мы должны были встретиться у Чикоте. Раз ты не пришел туда, ты должен был оставить мне записку. Я прихожу к Чикоте вовремя. Тебя там нет. Записки тоже нет. Я прихожу сюда и застаю тебя mit einer ganzen Menagerie черно-бурых лисиц в объятиях. **Филип:** А тебе никогда ничего такого не хочется? **Макс:** Очень хочется. Постоянно. **Филип:** И что же ты делаешь? **Макс:** Иногда, если у меня выдается свободный час и я не слишком устал, я нахожу такую, которая соглашается побыть со мной, не глядя на меня. **Филип:** И тебе постоянно этого хочется? **Макс:** Я очень люблю женщин. Я не святой. **Филип:** А есть святые? **Макс:** Да. А есть и не святые. Но только я всегда очень занят. А теперь поговорим о чем-нибудь другом. **Филип:** Послушай, я допускаю, что ты прав насчет этой женщины, но нечего оскорблять меня. По работе ты меня ни в чем упрекнуть не можешь. **Макс:** Эта женщина — она не подозрительна? **Филип:** Ни в коем случае. Может быть, мне это вредит и отнимает у меня время и тому подобное, но за нее я ручаюсь. **Макс:** Ты уверен? Знаешь, я в жизни не видел столько лисиц. **Филип:** Она, конечно, дура, но я ручаюсь за нее, как за себя. **Макс:** А за себя ты еще ручаешься? **Филип:** Надеюсь.
88. **Филип:** Она из той среды, к которой принадлежат все американки, приезжающие в Европу с некоторым запасом денег. Они все одинаковы. Колледж, лето на лоне природы, более или менее состоятельные родители, — в наше время чаще менее, чем более, — мужчины, романы, аборт, виды на будущее и наконец замужество и тихая пристань или тихая пристань без замужества. Одни открывают магазин или служат в магазине, другие пишут или занимаются музыкой, некоторые идут на сцену или в кино. У них есть какая-то организация, Лига молодежи, там, кажется, работают девственницы. Все для общего блага. Эта пишет. И даже неплохо, когда не ленится. Спроси ее сам, если хочешь. Но предупреждаю, все это очень скучно.
89. **Филип:** (с горечью). Напрасно. Иногда я чувствую, что все это мне надоело. Вся моя работа. Просто опротивела.
90. **Макс:** Рано или поздно его бы все равно убили. **Филип:** Да, да. Конечно. Если так на это взглянуть, то все чудесно, правда? Совершенно замечательно. Вот об этом-то я и не подумал.
91. Да, и эта женщина. Ты совершенно прав, — эта женщина. Черно-бурые лисицы и прочее. **Макс:** Я говорил, что тебе это вредно. **Филип:** А может быть, и полезно. Я так давно на этой работе, что мне все опротивело. Все вообще. **Макс:** Ты работаешь, чтобы у всех был такой хороший завтрак. Ты работаешь, чтобы никто не голодал. Ты работаешь, чтобы люди не боялись болезней и старости; чтобы они жили и трудились с достоинством, а не как рабы. **Филип:** Да. Конечно. Я знаю. **Макс:** Ты знаешь, ради чего ты работаешь. А если иногда у тебя немного сдают нервы, я это отлично понимаю. **Филип:** На этот раз у меня основательно сдали нервы, и это тянется уже давно. С тех пор как я встретил ее. Ты не знаешь, что женщина может сделать с человеком.
92. *И тотчас же начинается канонада. Отсюда звук кажется совсем иным, чем с обстреливаемой точки. Сначала слышно гулкое, раскатистое «бум-бум-бум», точно удары литавр перед микрофоном, потом — «уиши, уиши, уиши, уиши, уиши, чу, чу, чу, чу, чу... чу» — полет снаряда и отдаленный разрыв. Вступает вторая батарея, еще ближе, еще громче, и вот уже по всей линии грохочут гулкие, частые залпы, и в воздухе стоит гул удаляющихся снарядов. В раскрытое окно видны теперь очертания Мадрида, освещенного вспышками разрывов. Генерал стоит у большого дальномера. Штатский — у второго. Адьютант: смотрит через плечо штатского. Штатский: Какая красота! Адьютант: Сегодня мы их немало перебьем. Марксистская сволочь. Все их норы перероем. Штатский: Эффектное зрелище. Генерал: Ну как, удовлетворительно? Он не отводит глаз от окуляра. Штатский: Превосходно! Сколько это будет продолжаться? Генерал: Мы даем один час. Потом десять минут перерыва. Потом еще пятнадцать минут. Штатский: Но в квартал Саламанка не попадет ни один снаряд? Там ведь почти все наши. Генерал: Отдельные попадания возможны. Штатский: Но как же так? Генерал: Ошибки испанских батарей.*

93. **Генерал:** Какого черта этот часовой курит? Это не армия, а какой-то хор из «Кармен»!
94. **Филип:** Тебе кто нужен? **Макс:** Только пузатый и мадридец. Остальных просто свяжи. Липкий пластырь у тебя есть? **Филип:** (говорит по-русски). Да. **Макс:** Вот видишь. Мы стали русскими. Все мы теперь в Мадриде русские. Торопись, товарищ, и заклей им хорошенько рты, потому что мне все-таки придется бросить эту штуку перед уходом. Видишь, кольцо уже снято.
95. А где же второй? **Филип:** Потеряли по дороге. **Макс:** Он был очень тяжелый, а идти не хотел. **Антонио:** Жаль. Была бы ценная добыча. **Филип:** Это не всегда так просто, как в кино. <...> **Филип:** Понимаете, мы не рассчитывали захватить сразу двоих. Второй экземпляр был очень непортативен, а идти сам не хотел. Он нам устроил сидячую забастовку.
96. **Филип:** Можете быть спокойны, молчать он не будет. Этот не из молчаливых. **Антонио:** Он — político. Да. Я не раз уже беседовал с político. **Штатский:** (истерически). Вы меня не заставите говорить. Ни за что! Ни за что! Ни за что! Макс и Филип переглядываются. Филип усмехается.
97. **Филип:** Интересно только, откуда все это знают. **Управляющий:** (укоризненно). Мистер Филип. Это же Мадрид. В Мадриде все известно, иногда даже раньше, чем успеет случиться. Если уже случилось, возможен спор — кто сделал. Если еще не случилось, все абсолютно точно знают — кто должен сделать. Принося поздравления, предваряю упреки недовольных, которые, без сомнения, скажут: «Как? Только триста? А остальные где?»
98. **Анита:** Можно, я буду принять ванна? **Филип:** Даже должно, дорогая моя. Но только закрой дверь, хорошо? **Анита:** (из ванной). Горячий вода идет. **Филип:** Это хороший признак. Ну, теперь закрой дверь.
99. **Макс:** Мы хорошо поработали. **Филип:** Сделали все, что могли. Все было очень эффектно и очень ловко, только сеть оказалась дырявая и много рыбы ушло. Впрочем, можно закинуть еще раз. Но меня тебе придется перебросить в другое место. Здесь я уже не гожусь. Слишком много народу знает про мою работу. Это не потому, что я болтаю. Просто так вышло.
100. **Филип:** Впереди пятьдесят лет необъявленных войн [*перифраза из речи Хемингуэя в 1937 году на Втором конгрессе американских писателей, в которой он призывал писателей принять активное участие в борьбе с фашизмом*] и я подписал договор на весь срок. Не помню, когда именно, но я подписал.
101. **Макс:** Решай сам, я тебе уже говорил. Но помни — нужно быть добрым. Для нас, которым причинили столько зла, доброта — самое важное. **Филип:** А я очень добрый, ты же знаешь. Я добрый. Даже страшно, до чего я добрый! **Макс:** Нет, я этого не знаю. А я хотел бы, чтоб ты был добрым.
102. **Дороти:** Какие же ты узнал новости? **Филип:** Были хорошие. А были и похуже. В общем, средние.
103. **Дороти:** И мы поедem во все эти места, и в Сен-Мориц тоже? **Филип:** Сен-Мориц? Какое мещанство! Китцбухель, ты хочешь сказать. В Сен-Мориц рискуешь встретиться с кем-нибудь вроде Майкла Арлена. **Филип:** А ездила ли ты когда-нибудь в Гавану, потанцевать субботним вечером в Сан-Суси, под королевскими пальмами? Они совсем серые и высятся точно колонны, и всю ночь напролет там играют в кости или в рулетку, а утром едут завтракать в Хайманитос. И все друг друга знают, и от этого очень весело и приятно. **Дороти:** И мы туда поедem? **Филип:** Нет. **Дороти:** Почему, Филип? **Филип:** Мы никуда не поедem.
104. **Филип:** Во-первых, потому, что я еще сам не знаю, где это. А во-вторых, потому, что я тебя не возьму с собой. **Дороти:** Почему? **Филип:** Потому что от тебя никакой пользы. Ты невежественна, ты глупа, ты ленива, и от тебя никакого проку. **Дороти:** В остальном, может быть, ты и прав. Но прок от меня есть. **Филип:** Какой же от тебя прок? **Дороти:** Ты сам знаешь — ты должен знать. Она плачет. **Филип:** Ах, это. **Дороти:** Так мало это для тебя значит? **Филип:** Это такая вещь, за которую не следует платить слишком дорого. **Дороти:** Значит, я — вещь? **Филип:** Да, и очень красивая вещь. У меня никогда не было такой чудесной вещи.

105. **Дороти:** Пожалуйста, только не будь добрым. Ты просто ужасен, когда ты добрый. Только добрые люди смеют быть добрыми. Ты просто отвратителен, когда ты добрый.

Конец текста